

Каминский Флавий Аркадьевич

УТРАТА ОБЩИНОЙ ОРЕНБУРГСКИХ И СИБИРСКИХ КАЗАКОВ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТ ТРАДИЦИОННОГО ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

В предлагаемой публикации анализируется процесс эволюции и разложения общины у оренбургских и сибирских казаков, а также присущих казачеству специфических черт и отличий. Автор не делает акцента на сознательном уничтожении казачества со стороны советской власти, что можно найти у некоторых исследователей, а показывает объективные тенденции трансформации бывшего сословия и разрушения основы его материального существования - сельской казачьей общины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/12.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(69): в 2-х ч. Ч. 1. С. 44-48. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

Список литературы

1. Астахова Л. С., Астахова А. С. Образы новых религиозных движений в коммуникативных пространствах: в условиях поиска идентичности // Вестник экономики, права и социологии. 2010. № 4. С. 145-149.
2. Быков Р. А. Исторические условия формирования новых религиозных движений в России // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 360. С. 84-86.
3. Лункин Р. Новые религиозные движения в России: христианство и постхристианство в зеркале новых богов и пророков // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А. Малашенко и С. Филатова; Моск. центр Карнеги. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 399 с.
4. Поздьева С. М., Зинатуллина З. Ш. Процессы модернизации и предпосылки трансформации общественного сознания в современной России // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17. № 3. С. 1383-1384.
5. Радугин А. А., Радугина О. А. Постсекуляризм как мировоззренческая матрица общества постмодерна // Омский научный вестник. 2014. № 3 (129). С. 85-88.
6. Шарапова М. А. Новая религиозность – угроза национальной безопасности // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 2 (43). С. 275-278.

CAUSES OF OCCURRENCE OF NEW RELIGIOSITY AND DESTRUCTIVE INFLUENCE OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS ON THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Ivleva Vladlena Igorevna
Bashkir State University
vladlenaiv@gmail.com

The tendency of the revival of religious consciousness and the occurrence of religious pluralism expressed in devotion to both traditional confessions and new religious movements, which launched their vigorous activity within the territory of the state, can be observed in the contemporary Russian society. The paper reveals the notion “new religious movements”, points at the peculiarity of this phenomenon. Special attention is paid to the causes of searching for new religiosity among the youth. The author also indicates possible destructive influence of some new religious movements.

Key words and phrases: new religiosity; new religious movements; religious consciousness; religious pluralism; crisis of self-identification; social problems; destructive influence.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В предлагаемой публикации анализируется процесс эволюции и разложения общины у оренбургских и сибирских казаков, а также присущих казачеству специфических черт и отличий. Автор не делает акцента на сознательном уничтожении казачества со стороны советской власти, что можно найти у некоторых исследователей, а показывает объективные тенденции трансформации бывшего сословия и разрушения основы его материального существования – сельской казачьей общины.

Ключевые слова и фразы: станичный сход; казачье самоуправление; наказной атаман; войсковой круг; станичный капитал.

Каминский Флавий Аркадьевич, к.и.н., доцент

Магнитогорская государственная консерватория (академия) имени М. И. Глинки
info@magkmusic.com

**УТРАТА ОБЩИНОЙ ОРЕНБУРГСКИХ И СИБИРСКИХ КАЗАКОВ
СПЕЦИФИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ И ОТЛИЧИТЕЛЬНЫХ ЧЕРТ ТРАДИЦИОННОГО
ВЕДЕНИЯ ХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ**

В 20-е гг. XX в. казачья община, как специфическая земледельческая организация с присущими ей признаками и особенностями, разрушалась и отходила в прошлое. Ее существенными чертами до революции были: общественный земельный фонд и значительный земельный надел, пай, одинаково предоставляемый всем казакам-мужчинам, достигшим 17-ти лет. За счет этого земельного пая казак не только содержал семью, но и обязан был приобрести экипировку и боевого (строевого) коня. Казаки имели особый порядок отбывания воинской службы, что выделяло их на фоне других сословий Российской империи и накрепко соединяло между собой казачье общество. Внутри общины стараниями войсковых и станичных органов правления сознательно поддерживалось имущественное равенство ее членов. Облеченное ответственностью за подготовку профессиональных воинов и за дальнейшее несение ими службы, казачье общество имело привилегии, право на которые надо было оправдывать сообща. Для казачьей земледельческой общины была характерна полуоязательная для всех дворов залежная система землепользования, порождавшая однотипность и консервативность ведения хозяйства, что само по себе мешало выделению наиболее хозяйственных казаков и ограничивало их предпринимательство

и самодеятельность. Широко была распространена взаимовыручка и взаимоответственность казаков друг за друга как в бою, так и в повседневной жизни, на уровне сбора налогов в станичный и войсковой капиталы.

Казаки имели довольно высокий уровень самоуправления, что, в первую очередь, было отражено в их праве самостоятельно решать вопросы внутренней жизни и распоряжаться станичными капиталами.

Одним из самых действенных ударов, которые нанесла новая власть по казачьему сословию, была ликвидация казачьего землевладения. Отныне земля принадлежала государству, а не войсковой казне. Проведенные за годы советской власти земельные переделы разрушали существовавшую систему наделения землей. Сохранение вначале за казаками прежних земельных наделов было продиктовано сложившейся после революции и Гражданской войны ситуацией, когда при наличии свободных земель просто не было достаточного количества лиц для ее обработки. Но к середине 1920-х гг. положение изменилось в сторону снижения размеров наделов, ибо излишняя земля часто не распахивалась владельцами, а сдавалась в аренду, что, в свою очередь, по мнению земельных органов, служило источником нетрудовых доходов. К тому же уравнильное распределение земли (по едокам) нарушало прежнюю традицию паевого наделения только взрослых мужчин. Последующее уравнивание в земельном вопросе с крестьянами болезненно воспринималось казаками, ранее гордившимися своими участками, в несколько раз превосходившими крестьянские. Уменьшение размеров земельных наделов не могло не сказаться на доходности казачьих дворов. Уровень их благосостояния в среднем имел постоянную тенденцию к понижению.

Крупные земельные наделы предоставлялись до революции казакам за исполнение главной своей функции – охрану российских границ и несение службы как в военное, так и в мирное время. Казак был, прежде всего, воин, а потом уже земледелец. Подготовка к военной службе и сама служба были содержанием всей жизни казака, устоявшимся образом жизни.

Однако в первые годы после революции казаки были уравнены в прохождении военной службы со всем остальным населением, что воспринималось как самая сильная обида, какую только могла нанести казакам советская власть. Неоднократно, уже после Гражданской войны, казаки обращались к Советскому правительству с просьбой восстановить в составе Рабоче-Крестьянской Красной Армии отдельные казачьи части. Просьба казачьих старейшин не была и не могла быть удовлетворена. Правительство не без оснований опасалось, что боевые отдельные части, составленные полностью из столь претерпевшего от советской власти казачества, в любой чрезвычайной ситуации или внешней угрозе могут проявить неблагонадежность или выступить против большинства.

Была разрушена и универсальная система дослужебной военной подготовки молодых казаков, которая заполняла собой все свободное время молодежи и давала возможность обществу воспитывать не только будущего воина, но и настоящего мужчину, будущего мужа, отца и домохозяина.

Снаряжение казака теперь происходило за счет государства, что в известной мере ликвидировало былую зависимость небогатого казака от станичного общества. Община все больше теряла свои возможности влиять на рядовых казаков.

Казачье сообщество старалось по возможности не допускать сильного имущественного расслоения внутри общин. Материальное равенство в известной степени привносило в казачью среду успокоение, и станичные органы по возможности старались повсеместно применять принцип социальной справедливости как при наделении землей, так и при распределении помощи и повинностей.

После революции социальная дифференциация в казачьей среде только усилилась. Поменялось соотношение маломощных и крепких середняцких дворов в пользу численного увеличения бедняков, которых активно поддерживала советская власть не только в идейном плане, как союзника в борьбе за построение нового общества, но и в плане материальном, что вызывало известное напряжение и противостояние в казачьем обществе.

Существенно изменились приемы ведения хозяйства, составлявшие базисную основу специфичности казачьего способа производства зерновых культур, а также животноводства. Этот присущий казакам способ производства складывался на протяжении многих поколений и составлял неотъемлемую часть казачьего образа жизни. Любые изменения в нем должны были неизбежно сказаться и на производительных силах общины, и на ее менталитете.

Казаки все чаще стали применять расширенный севооборот, больше вносить удобрений, вести мелиоративные работы, улучшать породы скота. С помощью сельхозкружков и агрономических курсов в казачью среду все больше проникали агрономические знания. Разрушалось былое однообразие в приемах и методах хозяйствования, все четче прослеживались прогрессивные тенденции в когда-то консервативном казачьем хозяйстве.

Кооперация, объединяя казаков на производственной или иной основе, способствовала разрушению сковавших инициативу общинных связей. Вовлеченные в кооперацию индивидуальные хозяйства должны были, по замыслу советского руководства, укреплять экономическую и социальную базу для решения задач последующей коллективизации. Казак, ранее экономически защищенный общиной и не привыкший хозяйствовать на свой страх и риск, получал существенную опору и уверенность посредством участия в различных товариществах, тем более что ему предоставлялась различная помощь со стороны государства. Развитие промысловой кооперации также существенно повлияло на изменение привычного казакам способа ведения хозяйства, базировавшегося в основном на выращивании зерновых. Занятие промыслами, дававшими иногда значительный побочный доход, вовлекало казаков все глубже в рыночные отношения, ибо продукция этих промыслов являлась товаром и шла преимущественно не на личное потребление, а на продажу. Развитие сбытовых кооперативов стимулировало казачьи хозяйства увеличивать товарную массу, что приводило

к обоюдной выгоде. Казаки теперь самостоятельно, не спрашивая на то, как раньше, разрешения станичных властей, выходили не только на близлежащие, но и внешние рынки.

Кооперация раскрепощала казака, делала его более свободным при принятии решений для пополнения доходов своего двора.

Казачья община отличалась компактностью места проживания, сплоченностью большого количества казаков, не желавших, несмотря на неизбежное в противном случае дальнотемелье, покидать родные поселки.

Советская власть активно стимулировала разукрупнение поселений, заботясь, в первую очередь, о повышении отдачи с десятины пашни. Вокруг станиц появились многочисленные выселки, куда из разрушающейся общины переселялись казаки, разрывая самим фактом переселения поколениями нажитые общинные, соседские и родственные связи. Только в Челябинском округе в 1925 г. образовалось 20 выселков с 9740 десятинами земли [6, д. 224, л. 111]. В Тарском и Омском округах в 1926 г. насчитывалось 1870 хуторов, где проживало 42,9 тыс. человек.

Обособлялись по мере возрастания благосостояния и казаки, оставшиеся в поселках. Все реже проявлялись случаи взаимопомощи при обработке полей, меньше стали казаки оказывать друг другу материальную помощь, даже на родственном уровне. Традиция круговой поруки стала уходить в прошлое. Разъединенная по имущественному признаку казачья община все больше утрачивала свои специфические черты.

С изменением способа производства и утратой когда-то имевшихся привилегий стала разрушаться и былая замкнутость казачьей общины, ее изолированность от внешнего мира. Во-первых, была ликвидирована правовая основа для обособленности – казаки имели те же права, что и проживавшие рядом крестьяне. Казаки уже не имели никаких привилегий и льгот, выделявших их среди остальных групп населения страны. Теперь они подчинялись общим сельсоветам и преследовались за правонарушения так же, как и все остальные жители СССР. Участились браки казаков с иногородним населением, что раньше было скорее исключением, чем правилом. Разрушению замкнутости в немалой степени содействовало решение Советского правительства о призыве казаков на службу на общих основаниях. Также надо учесть тот факт, что были распущены сугубо казачьи органы управления, включая все службы и отделы войсковых правлений: хозяйственные, образовательные и т.д. Грамотные казаки постоянно приобщались к советской прессе, что не могло не повлиять на изменение казачьего менталитета. Специальных казачьих изданий, столь распространенных до революции, теперь не выпускалось.

Вполне очевидно, что община растрчивала свой иммунитет и ее основы постоянно подтачивались. Одним из заключительных ударов по общине стало распределение запасных войсковых земель среди приезжающих с западных и центральных районов страны переселенцев.

Вследствие этого во всем регионе ускорился процесс дальнейшего разбавления казачьего населения прибывавшими крестьянами. Этому способствовал и естественный прирост иногороднего населения. Например, в Орском уезде плотность казачьего населения в 1925 г. составила 7,5 человек на один квадратный километр. До революции показатель плотности казачьего населения составлял здесь 11 человек на квадратный километр [11, д. 1048, л. 37]. В Каширском уезде Оренбургской губернии процент казачества по отношению к 1913 г. понизился на 26,2% [Там же].

Казачий войсковой запас земель частично перераспределялся, а большей частью передавался в колониационный фонд. Сам по себе этот факт в достаточной степени свидетельствует о необратимости происходящих перемен, не оставлявших никаких надежд на гипотетическое возрождение казачества.

Земли войскового запаса переходили в специальный фонд, где они перераспределялись между колонистами. На землях предполагалось сразу же разбивать новые поселения. В колониационный фонд в Омском округе было передано в 1921 г. 9048,1 десятин бывшего казачьего земельного запаса [4, д. 419, л. 8]. Всего в Омской переселенческой партии предполагалось расселять до 25 тыс. колонистов ежегодно. Для этого планировалось оборудовать 50 новых поселков на площади в 70 тыс. десятин. Всего же в районе бывшей казачьей полосы на запасных землях должно было быть создано 350 поселений прибывших из малоземельных районов крестьян. Под эти поселения отводилось 600 тыс. десятин [2, д. 50, л. 438]. В 1923 г. на 80 тыс. десятин было размещено 10 тыс. поселенцев – 1800 семей [3, д. 827, л. 152]. Всего же в 1923 г. колониационный фонд по уездам составлял: Омский уезд – 40 539 дес., Тарский – 44 777 дес., Калачинский – 211 003 дес., Тюкалинский – 18 909 дес. [5, с. 20].

На Южном Урале свободной земли было больше. Только Варненскому району Троицкого округа предписывалось выделить 200 тыс. десятин земли для образования поселков. Магнитная станица должна была отдать 89 тыс. десятин для 100 поселков. Брединский район имел заявку на 100 тыс. десятин для 75 поселков, а Степной станице предлагалось передать в колониационный фонд 90 тыс. десятин земли для организации на них ста новых поселений [8, д. 68, л. 69]. Всего же емкость колониационного фонда в Троицком округе составляла 870 тыс. десятин. На них планировалось обустроить 17 тыс. новых дворов земледельцев [9, с. 71].

Но освоение залежных земельных массивов степных районов требовало значительных средств, которых не хватало. Поэтому приток переселенцев не был таким обильным, как это планировалось. Например, в Верхнеуральском районе в 1924 г. было принято 543 переселенца [7, д. 13, л. 588], а в следующем – 1 282 человека [Там же, л. 591]. В Троицком районе, где планировалось разбить 25 поселков переселенцев, в 1926 г. было размещено 849 переселенцев.

Казачьи общины всегда отличались внутренней дисциплинированностью и исполнительностью. Эти черты казачьего сословия носили необходимый и безусловный характер, ибо были порождены природой самого общества, главным предназначением которого была военная служба.

В годы советской власти, в связи с перечисленными уже переменами и изменениями в казачьем обществе, дисциплина в нем заметно снизилась. Это было вызвано отчасти ликвидацией всех войсковых и станичных структур, отчасти разрушением былого единства общины, когда каждый ее член был ответственен перед обществом, а общество постоянно контролировало его поведение. Появилось большое количество уклоняющихся от выплаты налогов и несения повинностей. Большой размах приобрели пьянство и праздность, воровство, ранее осуждаемые казачьим сообществом. Молодежь все меньше терпела поучения со стороны старших по возрасту, переходила от казарменного к светскому образу жизни, все больше ориентировалась на город.

Казачья община гордилась высоким уровнем грамотности ее членов, притом не только мужского населения, но и женского. За успеваемостью мальчиков следили не только родители, но и атаман поселка. С ликвидацией войсковых органов грамотность среди казачьей молодежи заметно понизилась. Фигура сельского учителя с его мизерными заработками вызывала больше жалость, чем уважение. Пришли в запустение здания школ. Посещаемость школ детьми в середине 1920-х гг. была довольно низкой как среди крестьянского населения, так и среди казаков.

Процесс разрушения общины принял необратимый характер, и одним из показателей этого было изменение общинной психологии в казачьей среде – за изменением статуса и переменами в структуре ведения хозяйства произошло изменение образа мышления, возникли новые ценностные ориентиры. Казачье боевое единство поддерживалось всегда непоколебимостью духа, отличалось монолитностью, в основе которой лежали такие святы для каждого казака понятия, как верность, присяга, служение Родине, Отчизна, уважение к боевому прошлому казачества и его боевым реликвиям и т.д. Казачье общество ревностно следило за выполнением правил ношения формы, соблюдением символики, члены его называли себя не крестьянами, не кавалеристами, не россиянами, а обязательно «казаками». Жили не в «деревне», а в «поселке», приходили не на собрание, а на сбор и т.д.

Особое отношение у казаков было к подготовке к службе и ее прохождению. К ней готовили с малолетства, о ней постоянно и с долей уважения и гордости говорили в обиходе, постоянно интересовались успехами в подготовке и, разумеется, боевыми подвигами. Было известное уважение к самой общинной организации, к органам ее управления. А вот такие качества, как трудолюбие, бережливость и накопительство, инициативность в ведении своего хозяйства, особо не почитались. В почете были лихость и удаль на поле боя, самоотверженность, взаимовыручка в бою.

Революция и Гражданская война серьезно деформировали традиционные представления и понятия россиян. Сам раскол на «белых» и «красных» заставил соседа выступить против соседа, брата против брата. Деформировались понятия «Отчизна», «присяга», «верность». Казаков постоянно попрекали их поддержкой белого движения, обвиняли в антисоветчине. Было запрещено употребление слов, напоминавших о принадлежности к бывшему казачьему сословию. Среди молодежи уже не было прежнего уважения к казачьей форме, которую почти совсем перестали носить. То же самое относилось и к традиционной символике. Не стало былого уважения к старшим, к боевым наградам, знаменам и т.д. Молодежь не желала жить прошлым своих отцов.

Ранее активно ходившие на сборы казаки теперь не проявляли желания выступать на собраниях. Низок был процент их участия в выборных кампаниях. Многие негативные явления, пороки, сдерживаемые раньше общиной, теперь стали повсеместным явлением. В докладных записках с мест сообщалось о пассивности казачьего населения, его нейтральности, позиции выжидания. Во всем сквозила неуверенность в своем будущем.

Говоря о разложении общинных устоев, надо отметить, что вместе с тормозившими прогрессивное развитие экономики чертами стали разрушаться и такие, как передача из поколения в поколение совокупного хозяйственного опыта и бытовых традиций, социальная защита нетрудоспособных, внутренняя дисциплина коллектива общинников, уважение к старшим, уменьшился уровень грамотности.

Стало исчезать самоуважение казаков самих к себе. Когда 30 апреля 1925 г. пленум ЦК ВКП(б) подчеркнул недопустимость игнорирования особенностей казачьего быта и существовавших традиций [1], основы общинного бытия были уже основательно подорваны. Употребление заново в прессе слов «казак» и «станция», что, видимо, должно было смягчить недоверие к советской власти, не вызвало серьезных эмоций среди бывшего войскового сословия.

Список литературы

1. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. М., 1957.
2. Исторический архив Омской области (ИАОО). Ф. Р-28. Оп. 1.
3. ИАОО. Ф. Р-209. Оп. 1.
4. ИАОО. Ф. Р-214. Оп. 1.
5. Касьян А. К. Социально-экономическое развитие Юго-Западной Сибири в доколхозный период (дек. 1919 – 1928 гг.). Омск, 1976.
6. Магнитогорский фонд Объединенного государственного архива Челябинской области (МФ ОГАЧО). Ф. 78. Оп. 1.
7. МФ ОГАЧО. Ф. 91. Оп. 1.
8. МФ ОГАЧО. Ф. 170. Оп. 1.
9. Обзор хозяйства Троицкого округа. Троицк, 1926.
10. Сигутов П. Г. Хуторское расселение Омской области (90-е годы XIX в. – 30-е годы XX в.) // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. Омск: Омск. агр. ун-т, 2000. С. 47-49.
11. Центр документации новейшей истории Оренбургской области (ЦДННАО). Ф. 1. Оп. 1.

LOSING SPECIFIC FEATURES OF TRADITIONAL HOUSEKEEPING BY ORENBURG AND SIBERIAN COSSACKS' COMMUNITY IN THE YEARS OF NEW ECONOMIC POLICY

Kaminskii Flavii Arkad'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Magnitogorsk State Conservatory (Academy) named after M. I. Glinka
info@magkmusic.com

The publication analyzes the process of the evolution and destruction of the community and specific features and peculiarities of Orenburg and Siberian Cossacks. Contrary to some researchers, the author does not emphasize the conscious extermination of the Cossacks by Soviet power but shows objective tendencies while transforming the former estate and destroying the basis of its material existence – the Cossacks' rural community.

Key words and phrases: stanitsa gathering; Cossack self-government; acting ataman; Cossack Army Circle; stanitsa capital.

УДК 316:1

Философские науки

В данной статье предлагается рассмотреть вопросы креативности современного городского пространства. Город, являясь системой с точки зрения системного подхода, состоит из концепта, структуры и субстрата. Креативность, будучи параметром концепта данной системы, измеряется многими дискурсами социокультурного характера: творческими индустриями, городскими брендами, возможностью личной и социальной самореализации. Автор рассматривает креативные тенденции российских городов, выделяет их типологию по параметру креативности, обозначает комплекс креативных возможностей городских пространств для реализации их эффективного развития.

Ключевые слова и фразы: город; город как система; креативность; проблемы креативности; типология городов; культурное пространство; креативный город; некреативный город.

Касаткина Светлана Сергеевна, к. филос. н.
Череповецкий государственный университет
SvetlanaCH5@rambler.ru

КРЕАТИВНОСТЬ ГОРОДА КАК КРИТЕРИЙ ЕГО РАЗВИТИЯ

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-33-01341.

Уникальным объектом социально-философского познания является город, универсум жизни современного человека. Согласно теории А. И. Умова [8], И. В. Дмитриевской [2], город можно считать системой, состоящей из совокупности **концепта**, сформированного особенностями города; **структуры** в виде системообразующей части, основанной на взаимосвязанных отношениях субъектов города и его пространства, и **субстрата**, состоящего из всех элементов городской жизни. Новизна данной работы связана с осмыслением принципа креативности городского пространства как особенности концепта города с позиций системно-семиотического метода. Креативность городов – новый аргумент в определении типологии современных российских городов. Актуальность исследования заключается в том, что креативность городов – залог их перспективного развития, социокультурного разнообразия и привлекательности. Осознание и понимание заявленного принципа городского развития позволяет расширить спектр урбанистических исследований, в том числе в философском ключе. Целью статьи можно обозначить анализ креативного пространства города как компонента его развития. Заявленная цель раскрывается в следующих задачах: рассмотреть параметр креативности концепта города как системы; обосновать возможность понимания креативности в качестве критерия типологии российских городов. Результаты исследования могут быть использованы для активизации креативных возможностей городского пространства.

Город изначально своего смысла и существования является результатом деятельности человека – творца, социума, создавшего мир по своим идеалам и ценностям. Поэтому параметр креативности – исконный компонент концепта города как системы. Существующие версии креативного города представлены проблематикой развития творческих индустрий, темой формирования «креативного класса», вопросами создания привлекательной среды города для туристов и горожан, проектированием и развитием креативного городского пространства в плане развития городской символики и перформативного туризма. Комплекс отмеченных тенденций характерен для творчества О. Ф. Русаковой [5, с. 78], которая считает, что под креативным городом понимается некое мобильное и перформативно-активное дискурсивное пространство, способное к семиотическому самообновлению, порождению новых смысловых констелляций, расширяющих горизонты гражданских инициатив [Там же]. Серьезное внимание вопросу креативности городского пространства уделено в работе Ч. Лэндри «Креативный город». Данный автор справедливо замечает, что креативность исторически была источником жизненной силы для городов, позволяя им уцелеть, преодолевая границы традиций [4, с. 16-17]. Каждый город способен определить свою уникальную нишу. Культурные ресурсы как основной актив городской